

даться в книге А. Монджили. (Тем не менее, мне кажется, что автор больше реагирует на «нервные», по его словам, замечания в собственный адрес, чем на суть анализа. См. прим. 112 к с. 242.)

Другим пунктом расхождения исследователей стал вопрос о статусе знания. А. Монджили придерживается идей школы М. Фуко о знании как форме социального контроля. С точки зрения этой школы, вся история идей должна быть раскрыта как их социальная генеалогия. Н. И. Кузнецова же, воспитанная в традиции философии науки, заявляет о своей верности классической эпистемологии и ее «основному вопросу» — об истинности знания. Она считает, что предложенное А. Монджили описание должно быть дополнено «историей науковедения как историей его идей» [2, с. 145]. (Замечу в скобках, что, допуская взаимодополнительность двух изображений, она, как мне кажется, *de facto* проявляет большую склонность к культурному релятивизму, чем «релятивист» Монджили.) Исследовательница не оставляет надежды на то, что электичное науко-ведение со временем превратится в теоретическую дисциплину науко-логию. Это может произойти, если «релятивистская» область *science studies*, пришедшая на смену мечтам 1960-х о единой *science of science*, будет «доработана теоретиками» до общей модели науки [2, с. 145].

Для историка А. Монджили науковедение — проект прежде всего исторически и культурно ограниченный, который только и можно изучать постольку, поскольку ему пришел конец. Для философа-науковеда Н. И. Кузнецовой это проект действующий, а описываемые в книге события — часть жизни, «источник идентичности». Тем не менее нельзя сказать, что в ее комментариях представлен только «наивный» взгляд изнутри. Наряду с впечатлениями очевидца в них присутствуют размышления и рефлексия. А. Монджили, однако, прочел комментарии как еще одну декларацию веры и верности науковедению (в чем с ним можно отчасти согласиться), восприняв их как свидетельство невозможности для создателей проекта посмотреть на него критически, «кразидентифицироваться» со своим про-

шлым. На этом основано, например, непонимание вокруг упоминаемого Н. И. Кузнецовой «романтического» образа науковедения. Она цитирует одного из коллег, который в начале 1980-х гг. сравнил науковедение с крылатым драконом на том основании, что и то, и другое — существо, невозможное с точки зрения законов природы, которое при первой же возможности вымрет. «Мы подшучивали над этим „Я-образом“ нашей специальности, — пишет Н. И. Кузнецова, — и одновременно искренне гордились им». Не услышав иронии, А. Монджили отнесся к «крылатому дракону» всерьез, назвав его «священным животным» науковедов, «метафизическая вера» в которого якобы мешает им трезво оценить пределы своих знаний и временную и теоретическую ограниченность проекта (с. 268).

Разница ситуаций, в которых находятся оба исследователя, определяет разные взгляды на науковедение: с одной стороны, как на культурный феномен с четко определенными границами, к тому же отошедший в прошлое, своего рода историческую окаменелость, с другой — как на исследовательскую программу, руководство к действию. Но сам факт спора говорит о возможности понимания. И не случайно, т. к. и Н. И. Кузнецова, и А. Монджили — оба являются профессиональными исследователями науки, или, согласно употребляемой здесь терминологии, — науковедами. И книга А. Монджили, и полемика обоих исследователей в области «исторического метанауковедения» будут интересны самому широкому кругу читателей, от историков СССР до философов науки.

И. Е. Сироткина

Литература

1. Монджили А. Приключения науковедения: случай Института истории естествознания и техники // ВИАТ. 1995. № 1. С. 116–137.
2. Кузнецова Н. И. ИИЕТ как объект «полевого исследования» и сам по себе // ВИАТ. 1995. № 1. С. 138–145.

На переломе: советская биология в 20–30-х годах / Ред. Э. И. Колчинский.
СПб.: «Альманах», 1997. — 345 с.

В сборник вошли статьи, посвященные различным малоисследованным аспектам истории отечественной биологии в первые два десятилетия существования советского государства. Сборник отражает многообразие не только тем, но и методологических подходов, и историко-научных ориентаций, и интересов авторов. Опубликованы в сборнике и работы зарубежных историков науки: М. Адамса, С. Соломон и Т. Рюй-

тинга, а также одного из наиболее известных создателей современной эволюционной теории Э. Майра. Их статьи даны без перевода. Кроме того, статьи Э. И. Колчинского и Д. А. Александрова тоже написаны на английском языке. Хотя сборник рассчитан прежде всего на специалистов, он, вероятно, будет со вниманием встречен всеми, кто интересуется историей науки в нашей стране.

Ученый, учитель, гражданин. Памяти К. М. Завадского / Отв. ред. Э. И. Колчинский. СПб.: Изд. СПбФ ИИЕТ РАН, 1997. — 131 с.

Настоящий сборник посвящен памяти выдающегося биолога-эволюциониста, историка науки, авторитетного специалиста в области ее философских проблем Кирилла Михайловича Завадского (1910–1977). Он открывается статьей Э. И. Колчинского о жизни и творческой судьбе ученого, уточняющей и объясняющей многие детали его биографии. В первом из разделов сборника публикуются материалы, отражающие вклад К. М. Завадского в разработку фундаментальных проблем эволюционной биологии, а

также тезисы докладов для конференции, проведенной в связи с двадцатилетием со дня его кончины (ноябрь 1997). Воспоминания друзей, коллег и учеников К. М. Завадского составили вторую часть сборника. В заключительный его раздел включены материалы из личного архива К. М. Завадского, в частности, письма к нему Ф. Г. Добржанского и Э. Майра.

Сборник предназначен для специалистов в области эволюционной биологии, историков науки, а также для всех, кто интересуется данной проблематикой.

Выдающиеся отечественные биологи / Ред.-сост. Э. И. Колчинский.
Вып. 1. СПб.: ООО «Политехника-сервис», 1996. — 69 с.

Брошюра под таким названием была подготовлена давно, но к читателям попала фактически в прошлом году, и при обычном теперь малом тираже не только научных, но и научно-популярных изданий, тут же стала библиографической редкостью.

Подготовленная питерскими и московскими историками науки под эгидой и при содействии СПбФ ИИЕТ РАН, СПб Союза ученых и Фонда интеллектуального сотрудничества, она представляет собой сборник очерков об ученых, чья жизнь и научная деятельность пришлось

на разные периоды истории России и чье служение науке принесло им славу и благодарность современников и потомков. Это — Петер Симон Паллас, Карл Максимович Бэр, Андрей Сергеевич Фаминцын, Николай Иванович Вавилов, Феодосий Григорьевич Добржанский и Георгий Францевич Гаузе. В судьбе каждого из них и их научных открытий, достижений по-своему проявились особенности и сложности тех времен, когда им выпало жить и творить. Очерки снабжены краткими списками основных научных работ ученых и литературы о них.